

УДК 94.47

DOI: 10.17223/19988613/48/18

М.С. Черкасова

ОБЩИНА И ЦЕРКОВЬ НА СЕВЕРЕ РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ

Рассмотрены отношения между церковно-приходскими общинами и архиереями на севере России в 1682–1700 гг. Показано нарастание надзора и контроля архиерейской власти над финансово-хозяйственной деятельностью церковных старост. Проанализированы ревизии денежных, земельных, хлебных ресурсов приходских церквей Устюжской епархии. Опыт их был использован государственной властью в 1697 г. в условиях острых финансовых потребностей на начальном этапе петровских реформ.

Ключевые слова: Север России; государство; церковь; община; приходы; ревизия.

Органической частью петровских реформ стали преобразования в сфере церкви и церковно-государственных отношений. При ясности общего хода и направленности этого процесса (упразднение института патриаршества, осуществление частичной секуляризации церковно-монастырского землевладения, введение Св. Синода, выработка Духовного регламента) его хронология и некоторые региональные особенности остаются ещё недостаточно исследованными в научной литературе [1, 2].

Применительно к обширному региону Русского Севера (включавшему 35 уездов) началом церковных реформ можно считать учреждение в 1682 г. двух новых епархий – Холмогорской и Устюжской, что разукрупнило прежние, более древние и огромные по территориальному охвату, митрополии – Новгородскую и Ростовскую, приблизило структуры церковного управления к городским и сельским приходам, местным монастырям, белому и черному духовенству [3, 4]. Первые севернорусские архиереи (Афанасий Холмогорский, Геласий и Александр Устюжские) в своей политике вынуждены были считаться с особенностями исторически сложившегося здесь церковно-земского строя. Они заключались в весьма осязатом проявлении выборного начала (в лице церковных старост), отражавшего существенную роль общинных институтов и традиций в жизнедеятельности приходских сообществ. Жизнь земская (гражданская) и церковная здесь тесно переплетались.

Представлявшие интересы приходской общины в городе и деревне церковные старосты, земские сотские, десятские, целовальники выбирали или нанимали священников и других причетников, контролировали их в имущественно-налоговых вопросах, определяли денежное, хлебное и земельное содержание. Церковные старосты вели свои приходные и расходные книги, широко предоставляли денежные и хлебные ссуды нуждающимся крестьянам и посадским людям, сдавали в оброк церковные угодья, нанимали на работу в церковные деревни половников. Нередко они занимались также торгово-хозяйственной деятельностью, будучи крупными купцами (устюжане Вас. Грудцын и Гр. Мильников, сольвычегодец Г.Д. Строганов, житель Лальска Я.П. Саватеев и др.).

С учётом сложных природных условий Севера, его огромных пространств, преобладания черносошного крестьянства перенос порядков земского самоуправления на церковную сферу вполне объясним [5]. Не считаться с издавна сложившимися устоями церковно-земского строя на Русском Севере епископальные власти не могли, но и не в их корпоративно-сословных интересах было умаление собственных прерогатив в этой области. В реализации последних с конца XVII в. нарастали, как отмечается в литературе [4. С. 24–27] бюрократические и регламентирующие черты. Это хорошо видно по формуляру выборных памятей в 1680–1690-е гг. (они же «излюбь», «порядь») на священников, в которых на первое место были выведены их обязанности «быть неотступно для *святительского* и церковного дела, радеть о нём по *архиерейскому* указу и мирскому выбору, на ослушников бить челом преосвященному *архиерею*». Выборные памяти доставлялись в архиерейский разряд и записывались в «столп». На основе «мирского заручного выбора» выносился архиерейский указ о назначении попа в данный приход, оформляемый обычно памятью казначая с печатью [6. Т. XII. Стб. 822–823, 828–830, 832, 1229–1331].

Одним из первых распоряжений назначенного на Устюг архиепископа Геласия в марте 1682 г. стал запрет в трапезах земских и мирских сходов внесения и распития там «праздничного молебного пива», чтобы в церквях не было «раздоров, мятежей, неподобные матерные брани и боя» [Там же. Стб. 567–568]. В этом, как считает С.В. Юшков, выразилась попытка первых севернорусских архиереев поставить церковно-приходскую жизнь под свой контроль, ограничить автономию приходов, но существенного практического значения этот указ не возымел [7. С. 33]. С.В. Юшков вообще считал Геласия не столь активным в деле реформирования приходов по сравнению с Афанасием Холмогорским, с присущей тому широтой деятельности, настойчивостью, просветительско-учительным масштабом [4. С. 131]. Нам это мнение представляется чрезмерно суровым: документальное наследие от времени пастырского служения Геласия, хоть и недолгого (1682–1684), показывает его многостороннюю деятельность по формированию и укреплению епархиальных институтов

управления, экономики, финансов, суда. Он определил направления церковной политики, по которым в дальнейшем пойдёт его преемник, архиеп. Александр (1685–1699), – это преобразование отношений с приходскими сообществами, земскими властями и с духовенством в целом. Что же касается Афанасия Холмогорского, то и он выступал против трапезных пиров и братчин, старался искоренять их из церковно-приходской жизни, равно как и совмещение функций церковных и земских дьячков в одном лице [3. С. 246].

При посещении в апреле 1683 г. Спасо-Преображенского погоста в селе Щекино под Устюгом Геласий в присутствии всех вынул деньги из казённой кружки (7 руб. 11 алт. 4 ден.) и передал их церковному старосте [8. № 285. Л. 5 об.–6]. Не заключалось ли в этом нечто символическое? В дальнейшей политике устюжских архиереев все явственнее станут контроль над церковными доходами и расходами, стремление усилить зависимость церковных старост от епископской власти и ослабить – от местной общины, сделать должность церковных старост выборной и ежегодно сменяемой с 1 сентября. Ревизия приходо-расходных книг при Геласии была проведена в Рождественской церкви в Подосиновской волости Устюжского уезда. Она коснулась финансовой документации церковных старост за 10 и более предшествовавших лет [6. Т. XII. Стб. 741]. Ещё большее распространение контролирующие функции архиерейской кафедры над храмами получают при архиеп. Александре, что приведёт к конфликтным ситуациям и с земским обществом, и с воеводской властью. В ноябре-декабре 1683 г. по указу Геласия перед его приказными старосты некоторых посадских церквей Устюга отчитывались о хозяйственной деятельности – имуществе, доходах и расходах, землевладении, торговых помещениях, промыслах, нанимаемых работниках-половниках [6. Т. XIV. Стб. 595–608; 7. № 291].

Масштабная деятельность архиерейской администрации развернулась в июле-августе 1686 г., когда в десятки приходов были посланы её должностные лица для ревизии денежной и хлебной казны церковных старост. Проверка проводилась за 1682–1686 гг., а к 1 сентября 1687 г. было приказано выбрать новых церковных старост («прожиточных и не у пьянчивых, которым мочно верить»), тем явиться в Устюг для архиерейского утверждения и предъявления всей документации – приходо-расходных книг, росписей, кабал, крепостей [6. Т. XIV. Стб. 730–813].

Архиерейские ревизоры действовали в соответствии с наказной памятью игумена духовных дел Макария, скрепленной печатью. Помимо денег, учитывались находящиеся в церковной казне драгоценные предметы – золотые и серебряные кресты, венцы, кольца, перстни, чарки, монеты (включая иностранные), а ещё книги, крепостная документация, облачения священнослужителей, колокола, запасы хлеба. Если к этому прибавить фиксацию церковных деревень и пожен, других

угодий, то подобные перечни и росписи предстанут как описи, описные книги церковного имущества. Попутно старосты и попы предоставляли сведения о количестве венчанных в данном приходе браков, отсутствии у них раскольников (а если они объявятся, то готовности обязательно о том извещать архиепископу [6. Т. XII. Стб. 804, 806], исправном посещении богослужений в воскресные дни и исповеди прихожанами в Великий пост. По некоторым приходам сообщались списки церковных старост за прошлые годы [Там же. Стб. 804, 806].

В ряде церквей вообще никогда не велись приходо-расходные книги, что объяснялось бедностью и малочисленностью храма («приходу большому не от чего быть, приход небольшой, церковных деревень нет»; «...место наше самое скудное») либо несложностью расчётов: «денги держат впросте, за денги по кабалам крестьяне платят хлебом». Отсутствие приходо-расходных книг иногда объяснялось ещё и тем, что об этом «не было архиерейского указа и прежде его не бывало».

В наказной памяти архиеп. Александра избранному в Николо-Котласском приходе церковному старосте в августе 1686 г. говорилось об его первой обязанности: записывать «безо всякой утайки правду всякий церковный приход и расход в книги, которые даны из архиерейского розряду за приписью духовных дел игумена Макария» [Там же. Стб. 816–818]. Аналогичная наказная память была выдана избранному 1 сентября 1686 г. по мирскому приговору старосте церкви вмчц. Варвары в Устюге К.С. Малетинскому 29 ноября 1686 г. Центральное место в ней занимает подробная «должностная инструкция» о том, как следует записывать «по статьям» расход – на поддержание «строения» (иконы, ризы, книги), на предоставление денежной и хлебной помощи нуждающимся, а приход – за счёт вкладов-подаяний от доброжелателей храма. При этом церковные старосты должны были действовать совместно с попами, а те своими печатями скрепляли бы учётные книги.

Значит, первые устюжские архиереи Геласий и Александр настойчиво внедряли унифицированную форму приходо-расходной документации для храмов. Там же, где она уже была, в качестве недостатка указывалось на то, что в прошлые годы «нерадением церковных старост казна в кабалах истерялась», т.е. было предоставлено много денег в долг, которые затем невозможно стало вернуть. Теперь же церковные старосты, вступая в должность «по мирскому выбору и архиерейскому указу», должны были принимать казну у прежнего старосты по росписям и по противням, а список с них «за своими руками отправлять в архиерейский розряд». В этом же учреждении были обобщены результаты ревизии 1686 г. Они показали, что в двух третях Устюжского уезда – Двинской и Сухонской – наличной денежной казны в переписанных храмах имеется свыше 2 097 руб., а по кабалам роздано свыше 7 560 руб., хлеба – 1 121 четв. ржи, 646 четв. ячменя, 439 четв. овса, по 2 четв. пшеницы и гороха [Там же. Стб. 757].

Всеохватной ревизия церквей летом 1686 г. не стала, не выйдя за пределы Устюжского уезда, да и в нём не все храмы затронула, как и города Тотьму и Сольвычегодск с их уездами, однако ею было подготовлено по-настоящему валовое описание Устюжской епархии в августе-сентябре 1697 г. Попытка архиерейской власти вплотную приблизиться к церковной денежной и хлебной казне, досконально вникнуть во внутреннюю жизнь приходской общины вызвала бурное неприятие «всеуездных старост» на Устюге, которые имели существенное влияние на ход местной жизни.

В 1687–1688 гг. от них на царское имя поступили челобитные с жалобами на вмешательство архиеп. Александра и его приказных людей в «черные церковные деревни», их денежные и хлебные доходы и расходы, наемных работников-половников. Если в земской челобитной от 7 апреля 1688 г. утверждалось, что деньги и хлеб из казны церквей раздавались самым скудным крестьянам для выплаты государственных налогов, то архиерей на основе уже проверенных в его казённом приказе «заручных приходо-расходных книг» доказывал обратное: казну церквей раздавали самым лучшим и богатым прихожанам. Святитель предлагал ведать эту казну церковным старостам совместно со священниками, «считать (т.е. контролировать. – М.Ч.) старост в этой казне по вся годы», и пусть старосты и мирские будут во всем ему послушны [6. Т. XII. Стб. 966].

В ответ на эти челобитные из приказа Устюжской чети за приписью дьяка П. Возницына архиерейским слугам было запрещено чинить обиды церковным старостам и половникам, вступаться и въезжать в церковные деревни. В январе 1689 г. состоялся боярский приговор, предписавший земским активистам взять у домового казначея списки с приходо-расходных книг церквей и по ним взыскать на должниках долги, выбрать новых церковных старост, «всякой церкви иметь свою казну порознь», держать её на всякое церковное строение и делать это с ведома архиеп. Александра [6. Т. XII. Стб. 957, 964].

В последние годы пастырского служения архиеп. Александра (1696–1697) произошёл новый конфликт между ним и земцами. Обе спорящие стороны активно обращались со своими челобитными к царям Ивану и Петру Алексеевичам, а ещё к патриарху Адриану. Всеуездные старосты жаловались на высокие налоги и пошлины, установленные архиеп. Александром в сравнении с прежними Ростовскими митрополитами («извычаев у нас таких не бывало»). Земцы составили настоящую петицию, в которой по пунктам сформулировали причины своего недовольства политикой архиерея: 1) вступается в церковное казенное мирское строение; 2) над старостами попы ведают; 3) попов и иных церковников ставит; 4) от церкви к церкви переводит без мирских выборов; 5) старост почасту переменяет; 6) с книгами на Устюг в розряд высылает; 7) налоги и обиды чинит мирским людям; 8) требует с церквей хлеб и деньги.

Архиеп. Александр в ответных челобитных парировал все утверждения «непослушливых и непокорливых сынов своих», называя наиболее активных земцев «горланами, ябедниками, заединщиками, ссорниками, мятежниками с их неправдой и смутой» [6. Т. XII. Стб. 1238, 1257]. В понимании архиепископа позиция земских активистов (церковного старосты, крупного купца Григория Мыльникова и земского третчика Степана Кузнецова) заключалась в том, чтобы «крестьянам иметь свою волю над попами». С.В. Юшков считал, что земские челобитные против архиеп. Александра не возымели никакого действия на правительство [7. С. 130–133]. Нам же представляется, что оно заняло компромиссную позицию. М. Горчаков опубликовал одну выписку Монастырского приказа 1703 г., в которой пересказывалась грамота архиеп. Александру, чтобы он «церковных древних обычаев не нарушивал» и в церковные деньги не вступался, не превращал их в доходы своего архиерейского дома [2. Прил. С. 12–13]. Вместе с тем уже 25 января 1697 г. в грамоте Петра I архиеп. Александру, оформленной в приказе Большого дворца, было указано произвести перепись всех приходских церквей в его епархии – городах Устюге, Сольвычегодске, Тотьме, Яренске с их уездами [6. Т. XII. Стб. 1337–1343]. Помимо данных о строительстве в монастырях и приходах (городских и сельских), церковным и светским властям требовались подробные сведения о составе их земельных угодий, количестве крестьянских, бобыльских и половничьих дворов, источниках получения и способах расходования денежных средств, кредитовании ими хлебом и деньгами нуждающихся горожан и сельчан, состоянии городской недвижимости церквей (дворы, лавки, амбары, подвалы и пр.). В грамоте приводились те же самые итоговые показатели в отношении денежной и хлебной казны, в том числе и находящейся в долгах, что были установлены архиерейской переписью в рамках Устюга и уезда 1686 г. Запрещалось расходовать денежные и хлебные запасы церквей до особо распоряжения царя, а подлинные переписные книги следовало прислать в приказ Большого дворца. И.А. Булыгин связывает этот запрет с более ранним петровским указом, направленным Афанасию Холмогорскому, – 6 декабря 1696 г. [1. С. 66–67]. Запрет каменного строительства и требование ежегодного учета хлебно-денежного прихода-расхода распространялись и на сибирские монастыри, согласно полученному митрополитом Тобольским Игнатием Римским-Корсаковым петровскому указу в 1694/95 г. [2. С. 117–118, 178]. Во второй половине 1690-х гг. уже разворачивался начальный этап Петровских реформ, особое финансовое напряжение вызывало строительство флота, и в этих условиях тяготение государства к хозяйственно-денежным ресурсам церкви было налицо.

Во исполнение указа Петра I от 25 января 1697 г. подьячий архиерейского разряда С. Красильников совместно с церковными и поповскими старостами произвел описание церквей в четырёх городах и уездах Устюжской

епархии. Так возникла объемная книга, имеющая скрепу архиерейского дьяка Данилы Игнатьева (1 162 л., формат в четвертку) [9. № 76]. Отдельные ее части составлялись в приходах и имеют между собой некоторые отличия. Книга эта впервые была кратко отмечена в монографии И. Покровского [10. С. 369], более конкретно она рассматривалась нами [11], а два её раздела – Сольвычегодский и Яренский – были опубликованы Н.П. Воскобойниковой [12–13]. Преамбулы уездных разделов книги содержат пересказ грамоты Петра I преосв. Александру от 25 января 1697 г. Устюжский раздел датирован 27 августа, Тотемский – 9 сентября, Сольвычегодский – сентябрем без указания числа, Яренский – 20 сентября. Таким образом, описание было проведено сравнительно быстро, с 27 августа до 20 сентября 1697 г. Спустя три года, в июне 1700 г., по петровскому указу бурмистрам северных городов (Устюга, Сольвычегодска, Тотьмы, Яренска) было предписано собрать и доставить в приказ Большого дворца установленную переписью 1697 г. наличную казну в сумме свыше 21 943 руб. [8. № 370. Л. 35]. В июле 1700 г. бурмистры и церковные старосты должны были осуществить правёж денежной и хлебной казны по заёмным кабалам.

В описании Устюжской епархии в 1697 г. и последующих мероприятиях правительства в 1700 г. можно видеть несомненное проявление конфискационной церковной политики Петра I на начальном этапе его

преобразований. В соседней Важско-Холмогорской епархии несколько ранее (в 1692 г.) по распоряжению архиеп. Афанасия Холмогорского была произведена опись часовенных приходов [6. Т. XXV. Стб. 349–762]. В 1701–1705 гг. администрация Монастырского приказа осуществила описание не только огромного числа монастырей в России, но и множества соборных и приходских церквей в городах и уездах [1. С. 312–323]. В какой степени в отношении их был учтён опыт недавней ревизии Устюжской епархии, должны показать конкретно-исторические исследования. В любом случае масштаб прайтерельственных мероприятий в отношении всех звеньев церкви в 1697–1705 гг. невозможно переоценить.

Таким образом, разветвлённая церковно-приходская сеть отдельно взятой епархии в четырех городах с их уездами предстаёт перед нами как объект сложного переплетения интересов: 1) традиционного севернорусского общества, отстаивающего своё самоуправление над храмами и их духовенством; 2) епископальных, церковно-сословных устремлений, направленных на усиление и упорядочение «вертикали» церковной власти и 3) стремительно возрастающих фискальных потребностей государства на фоне развернувшихся структурных преобразований начала Петровской эпохи. Стоит ли говорить о том, что последние в конечном итоге взяли верх над всеми остальными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII. М. : Наука, 1977. 327 с.
2. Горчаков М. Монастырский приказ (1649–1725). Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868. 460 с.
3. Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды. СПб., 1908. 683 с.
4. Камкин А.В. Православная Церковь на севере России. Очерки истории до 1917 г. Вологда : Русь, 1992. 165 с.
5. Камкин А.В. Крестьянский мир на русском севере (Материалы по истории севернорусских крестьянских сообществ XVIII в.). Вологда : Русь, 1995. 97 с.
6. Акты Холмогорской и Устюжской епархий // Русская историческая библиотека. СПб. 1890, Т. XII; 1894, Т. XIV; 1908. XXV.
7. Юшков С.В. Очерки истории приходской жизни на севере России в XV–XVII вв. СПб., 1913. 134 с.
8. Государственный архив Вологодской области. Ф. 1260. Оп. 3.
9. Российский государственный архив древних актов. Ф. 236. Оп. 1.
10. Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Казань, 1897. Т. 1. 534 с.
11. Черкасова М.С. Переписная книга Устюжской епархии 1696/97 г.: из истории практического архивоведения на Севере России в конце XVII в. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2011. № 12 (74). С. 117–130.
12. Воскобойникова Н.П. Церковные приходы Сольвычегодского уезда по переписной книге городских и уездных церквей Устюжской епархии 1696/1697 годов // XVII век в истории и культуре Русского Севера : материалы XII Каргопольской науч. конф. Каргополь, 2012. С. 179–186.
13. Воскобойникова Н.П. Церковные приходы Яренского уезда по переписной книге городских и сельских церквей Устюжской епархии 1696/97 г. // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2012. № 2 (18). С. 47–95.

Cherkasova Marina S. Vologda State University (Vologda, Russia). E-mail: mscherkasova@mail.ru

THE COMMUNITY AND THE CHURCH IN THE NORTH OF RUSSIA ON THE EVE OF THE PETER'S REFORMS.

Key words: The North of Russia; the State; the Church; the community; the parishes; the revision.

The aim of the presented article is broadening and deepening regional and chronological aspects of the initial phase of the church reform of Peter the Great, main lines of the North-Russian communities with episcopal power and church-state relations at the level of the Ustuzhskaya diocese. To achieve this aim, the task is to trace the restrictions in the foundations of the church and of the provincial government and self-government by the ecclesiastical authorities. Research methodology is based on the integration of objective and subjective factors of social evolution, the ratio of macro- and micro-history, institutional (State, Church, and Community in the town and village), and historical and anthropological approaches to the study of the past, showing mentality of the people of that era. Problem field of the study is accounting the analysis of the all spectrum of the Church-State and Church-Country relations in 1680–1690-ies – early 1700-ies. It required to articulate more clearly the person and basic directions of activity of the first Ustug's archbishops – Gelasija (1682) and Alexander (1684–1699), that for a long time remained in the shadow of majestic shapes of the most famous church hierarchy of the Russian North – Athanasios Kholmogory. The material basis of the research were both published and archives sources from the

regional and federal funds: the acts of the Church hierarchy, “chelobytni” of the urban and rural residents, income-expense book, elective and instruction “memories” (pamyti). The analysis of the extensive census books of the Ustjug’s diocese of the 1696/97, stored in the Russian State archive of ancient documents (RGADA) in Moscow is of great importance. In the course of the study, the author came to the conclusions that the Russian North has long been the practice of the control of the parish community (represented by the elected chiefs) over their temples: secular elections priests (‘popov’), giving out land and clergymen for their sector, identifying other sources of their material status, control over the trade and fishing, and credit activity of the parish clergy. This experience was used by the first Ustjug’s bishops, and soon by the State against itself. Conducted in 1697 a massive description of Ustuzhskaya diocese was based on experience of the similar revision (auditing) in 1686–1688. The article revealed not only the nature of the Church and Government confiscation of parish churches, but also compromise the State regulation of the church-country conflicts on Ustug in 1680–1690.

REFERENCES

1. Bulygin, I.A. (1977) *Monastyrskie krest'yane Rossii v pervoy chetverti XVIII* [Monastic peasants of Russia in the first quarter of the 18th century]. Moscow: Nauka.
2. Gorchakov, M. (1868) *Monastyrskiy prikaz (1649–1725). Opyt istoriko-yuridicheskogo issledovaniya* [Monastic order (1649–1725). Experience of historical and legal research]. St. Petersburg: [s.n.].
3. Veryuzhskiy, V. (1908) *Afanasiy, arkhiepiskop Kholmogorskiy, ego zhizn' i trudy* [Athanasius, Archbishop of Kholmogory, his life and works]. St. Petersburg: I.V. Leontyev.
4. Kamkin, A.V. (1992) *Pravoslavnaya Tserkov' na severe Rossii. Ocherki istorii do 1917 g.* [Orthodox Church in the North of Russia. Essays on History until 1917]. Vologda: Rus'.
5. Kamkin, A.V. (1995) *Krest'yanskiy mir na russkom severe (Materialy po istorii severorusskikh krest'yanskikh soobshchestv KhVIII v.)* [Peasant peace in the Russian north (Materials on the history of the North Russian peasant communities of the eighteenth century)]. Vologda: Rus'.
6. Barsukov, A.P. et al. (eds) (1890) *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. 12. St. Petersburg: F. Eleonskiy i Ko.
7. Yushkov, S.V. (1913) *Ocherki istorii prikhodskoy zhizni na severe Rossii v XV–XVII vv.* [Essays on the History of Parish Life in the North of Russia in the 15th–17th centuries]. St. Petersburg: M.A. Aleksandrov.
8. The State Archives of Vologda Region. Fund 1260. List 3.
9. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 236. List 1.
10. Pokrovskiy, I.M. (1897) *Russkie eparkhii v XVI–XIX vv., ikh otkrytie, sostav i predely* [Russian dioceses in the sixteenth and nineteenth centuries, their discovery, composition and limits]. Vol. 1. Kazan: Tipo-lit. Un-ta.
11. Cherkasova, M.S. (2011) Register book of Ustiug eparchy of 1696/97 year: From the history of archival science in the Russian North in the 17th century. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 12(74). pp. 117–130. (In Russian).
12. Voskoboynikova, N.P. (2012) [Church parishes of Solvychevodsky Uyezd on the census book of the city and uyezd churches of the Ustyug Diocese of 1696/1697]. *XVII vek v istorii i kul'ture Russkogo Severa* [The 17th Century in the History and Culture of the Russian North]. Proc. of the Conference. Kargopol. pp. 179–186. (In Russian).
13. Voskoboynikova, N.P. (2012) Church districts of the Yarensk uezd by the census books of the towns and uezd churches of the Ustyug eparchy (1696/97). *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territoriy – Historical and Cultural Problems of Northern Countries and Regions*. 2(18). pp. 47–95. (In Russian).